

Сны

Мне сон не снится, я его сню.

М. Цветаева

"Мой любимый вид общения – потусторонний: сон, – писала Цветаева, – сон, тот воздух, который мне необходим, чтобы дышать. Только во сне я – я. Остальное – случайность."

Может быть, не так категорично, но в какой-то степени я бы могла это отнести и к себе. Сон – это вторая жизнь, где душа, отрешённая от сиюминутности быта, общается с ангелами. Во сне судьба приоткрывает нам свои смутные смыслы, там мы особенно остро чувствуем, что свет и мрак нашей жизни зависят не от чьей-то человеческой, властной и довлеющей силы, но единственно от Безымянного.

И просияет то, что сонно
В себе я чую и таю.
Знак нестираемый, исконный
Узор, придуманный в раю.
(В. Набоков)

Как часто в мои забредают ресницы,
Едва лишь их сон благодатный коснётся,
И робкие звери, и малые птицы,
И голые луны, и алые солнца.
(В. Блаженный)

Я не люблю вас, люди, люди
Из серокаменных домов!
Вы не участвуете в чуде
Пророчества и вещей снов.
(В. Ходасевич)

Во сне в полной мере проявляется наша сущность. Днём человеческое бытие искажено случайностями реальной жизни, истинное лицо скрыто за цивилизованной маской. Мы давно не дети: наши слова обдуманно, поступки – взвешены, шаги – просчитаны наперёд

И лишь в ночном бреду свершает дух наш вольный
Любой желанный шаг, и дикий и крамольный:
И мы в слезах летим в сладчайшие объятья,
И мы кому-то шлём безумные проклятья,
И с кем-то рвём навек, кому-то гладим руку,
И поверяем всю тоску свою и муку,
Волнуясь и спеша. До мига пробужденья
Диктуют волю нам порывы, побужденья.
(Л. Миллер)

Порой какой-нибудь невразумительный сон бросит туманный и косноязычный намёк на возможность инобытия, заставит всерьёз задуматься над тем, во что ты "в трезвом неподкупном свете дня", в здравом рассудке и памяти ни за что не поверишь. А вот Цветаева – богохульница и грешница – верила. Не верила – "знала из опыта." В письме к Пастернаку, разделяя мир на "тот свет" и "этот", она признавалась: "Борис! Борис! Как я знаю тот! По снам, по воздуху снов, по разгроможденности, по насущности снов."

А как изумительно и точно – если тут уместно это слово – определила сущность сна Татьяна Толстая в рассказе "Петерс": "Сон приходил, приглашал в свои лазы и коридоры, назначал встречи на потайных лестницах, запирали двери и перестраивал знакомые дома, пугая чуланами, бабами, чумными бубонами, черными бубнами, быстро вёл по тёмным

переходам и вталкивал в душную комнату, где за столом, лохматый и усмехающийся, сидел, крутя пальцами, знаток многих нехороших вещей".

...Однажды я проснулась ночью от ощущения какого-то страха. Может быть, мне что-то снилось, но я ничего не помнила, только это ощущение пещерного ужаса, которого я никогда не испытывала в жизни. Кажется, меня разбудил вой собаки. Но в ту минуту, когда я проснулась, было тихо. Я лежала, спелёнутая простыней; так во сне замоталась в неё, что не могла пошевелинуться, как в коконе, вся в липком поту – не от жары, а от страха. Я не понимала причины этого страха, это было что-то генетическое, вековое, древнее, доисторическое, жуткое. От плотно задёрнутых штор в комнате стоял мрак, и только на стене напротив на часах светился отблеск фонаря, похожий на волчий глаз. Этот зловещий глаз не сводил с меня своего мутного взгляда. В голове уже прояснилось настолько, чтобы понять, что всё это сон, бред, но страх не проходил. Не было чувства облегчения, как обычно – слава богу, это только сон – было какое-то другое, непонятное чувство – страха пробуждения. Это было предчувствием, что наяву меня ждёт что-то ещё более страшное, что будет ещё страшнее. И некуда спрятаться, нигде нет спасенья. Как это у Ходасевича?..

Прервутся сны, что душу душат,
Начнётся всё, чего хочу.
И солнце ангелы потушат,
Как утром – лишнюю свечу.

...Ещё один сон – очень странный. Будто я знаю, что меня сейчас должны убить. Но все делают вид, что это игра, понарошку, шутка, якобы не знают, что это будет на самом деле. Но втайне знают. И украдкой утирают слезы, отводят глаза. Как бы не могут этого предотвратить: то ли бояться, то ли бессильны. Кто-то заплетает мне косичку (я вроде как подросток, мне очень часто во сне 13-15 лет). Играют со мной, шутят. А я тоже вроде не знаю, что меня ждёт. Поддерживаю эту игру. А сама втайне от всех знаю. Кто убьёт, как – мне это словно и неинтересно. Знаю, что я обречена, что уже скоро. И вот что поразительно – мне это ничуть не страшно и даже весело. Забавляет, что они не знают, что я всё знаю.

Такого ещё у меня во сне никогда не было. Обычно опасность, близость смерти пугала, просыпалась в холодном поту. А тут – тоже проснулась, и с ощущением сердца. Не то, чтобы болело, но я его очень чувствовала. Но мне было всё равно, что я умру. Даже весело. Что это значит? Я не боюсь смерти?

...Под утро приснилось: будто я уже не сплю и слышу, как в соседней комнате кто-то шаркает ногами. Будто бы бабушка. С ужасом вспоминаю, что бабушки давно нет. Значит, приснилось, с облегчением думаю я. И рассказываю (во сне) об этом Давиду. А он говорит: "Нет, не приснилось, я тоже слышу шаги". Я напрягаю слух: шаги всё громче, отчётливей, всё несомненной. Но ведь ходить некому?!.. Минута дикого ужаса. Я вся оледенела, застыла в комок от страха. Последняя спасительная мысль: может быть... Линда? Потом вдруг в спальне появляется Линда, вся мокрая. За ней – группа каких-то людей. Что-то, значит, произошло из ряда вон, – соображаю я. Хватаю её на руки, прижимаю, пытаюсь согреть, осушить. И тут просыпаюсь. Иду в кухню. Давид уже там, бреется. Время – десять часов. Так поздно я ещё не вставала. С упреком ему пеняю: "Ты что меня бросил на произвол сна!" Рассказываю. Давид говорит: "Сон в руку. Линда написала." В кухне действительно лужа. Линда, вместо того, чтобы виновато свернуться в клубок, нагло растянулась во всю ширь и бьёт хвостом по полу, как молотилка. Демонстрирует хорошее настроение.

...Давиду приснился сон, что он с кем-то дерётся. Чувствую – кто-то меня ногой в бок пинает. Растолкала, – ты чего?! – Ой, извиняюсь, – смутился он спросонья. – А мне снится: как удачно я его ногой подцепил. Только собирался дать в морду...

– Вот ещё не хватало! С тобой опасно спать. Вовремя разбудила.

"Как странно явь господствует над снами..." Заметила: Давиду редко что снится, но если снится, то всегда что-то конкретное, что-то неприятное, нервное. Если ругается во сне – то вслух, если дерётся – то тоже почти на самом деле. Где-то в мозгу нарушена граница между сном и реальностью.

Никогда ничто ему не снится:
На глаза всё тот же лезет мир,
Нестерпимо скучный, как больница,
Как пиджак, заношенный до дыр.
(В. Ходасевич)

...Ночью во сне сочинился стих:

Меня бросает в жар и в холод,
Читатель ждёт уж рифмы: молод.
Но не получит он её.
Огнями высвеченный город
В ночное впал небытиё.
(То ли "в ночное канул забытьё").

Прочитала его сквозь сон Давиду. Он тоже сквозь сон посоветовал: пусть этот стих тоже туда канет. В забытьё. Поначалу мне понравилась тут строчка "но не получит он её." Но потом подумала, что со времён Пушкина многое изменилось, и нынешний читатель уже давно ничего не ждёт.

Кстати, Заболоцкий некоторые свои строки сочинял во сне. Бывали случаи, когда он, проснувшись среди ночи, записывал строку стихотворения и снова засыпал. Так были написаны "Фигуры сна", "Бегство в Египет", "Можжевельный куст", "Сон", где он описывает потустороннее существование человека. Заболоцкий говорил: "Во сне удивительная чистота и свежесть чувств. Самая острая грусть и самая сильная влюблённость переживаются во сне."

Я сон потерял, а живу, как во сне,
Всё музыка дальняя слышится мне...
(В. Ходасевич)

...Ещё один сон, приснившийся мне под Новый год. У меня в руках – продуктовый паёк, он же – мешок подарков от деда Мороза. Разворачиваю, а там: орехи, семечки крупные, ещё что-то вкусное. И вдруг рядом – отец, и я с такой радостью его всем этим угощаю. И он не растворяется, не исчезает куда-то, как всегда в подобных снах, а с удовольствием берёт. И такая радость. А рядом – чуть в тени – брат. (Наполовину – Давид. Но всё-таки больше – брат.) Но он ещё как-то в стороне, немного скован. Но чувствуется, что всё будет у нас хорошо. Такой хороший, тёплый сон, так редко такие бывают. Обычно мучительные, терзающие по пробуждении.

Всё дальше, слабее их отзвук и свет, –
Родные, любимые, давние лица.
А сны всё не знают, что их уже нет,
Лишь сны не хотят и не могут смириться.

И там, продираясь сквозь толщу и тьму,
Лелею тот миг окончания бегства,
Когда догоню, припаду, обниму,
"Ну вот , наконец-то, – скажу, – наконец-то!"

...Давно уже видела сон, который всё не могу забыть. Отец. Я так рада, что вижу его, так ценю каждый миг с ним, прижимаюсь, заглядываю в глаза, чего в жизни никогда не было. Он молчит и вдруг спрашивает, всё понимая, что со мной: "Что, тяжело?" – как бы даже с сочувствием, но с пониманием непреложности и как бы заслуженности этой тяжести. Я молча киваю. Спрашиваю: "Ты там что-нибудь чувствуешь?" Он пожимает плечами: "Нет..." А потом какая-то комната, и вроде мы все вместе там: я, он, Стасик, – их нет, но я чувствую, что они здесь где-то, рядом. И – занавески накрахмаленные, которые раздувает ветер. И такой покой, такая тихая радость вокруг.

Господи, вот он, покой, –
Мысли густые, кисельные...
Вот он, выходит, какой
Дом, занавески кисейные.
(И. Кабыш)

Это были мгновения жизни, словно показанные мне Богом: вот чего ты сама себя лишила, что могло бы быть у тебя: отец, брат, радость и защищённость родства...

Вспомнилась цветаевская поэма "Попытка комнаты." Она возникла у неё в ответ на вопрос Рильке: какой будет комната, где они встретятся? Это была попытка описать место встречи поэтов – комнаты, которая может существовать лишь в воображении поэта как идея (попытка). Пытаясь представить место свидания, о котором мечтала, Цветаева неожиданно для самой себя обнаруживает в поэме, что оно не состоится, что ему нет места в реальности.

Всё вырастет, не ладь, не строй,
Под вывеской – сказать, какой? –
Взаимности. Лесная глушь.
Гостиница Свиданье Душ.

Свиданье душ возможно лишь в "Психеином Дворце", в потустороннем мире, "на тем свету"...

Друг, гляди! Как в письме, как в сне том –
Это я на тебя – просветом!
В первом сне, когда веки спустишь –
Это я на тебя предчувствьем
Света. В крайнюю точку срока –
Это я – световое око.

Действие происходит во сне, возможно, в кошмаре; это странная поэма, пронизанная тревогой и страхом. Героиня кого-то ждёт – сначала это должен был быть Пастернак, потом она изменила адресата, им стал Рильке.

Всеми – теми, кому и кол
Не препятствие ночью майской!
Три стены, потолок и пол.
Всё, как будто? Теперь – являйся!
Оповестит ли ставнею?
Комната наспех составлена.
Белесоватым по серу –
В черновике набросана.
Не штукатур, не кровельщик –
Сон. На путях беспроводных—
Страж. В пропастях под веками –
Некий, нашедший некую.

Стены, пол, мебель, сам дом превращаются в нечто неосязаемое. Потолок – световое око неба, пол – зелёная брешь земли. Между ними – пустота. И в этой пустоте герои становятся бесплотными. Встреча, которая происходит во сне, которая на земле невозможна.

У Ирины Снеговой есть такие строки:

Приснился бы! Хоть мельком! В кой-то раз!
Как странно явь господствует над снами,
Что снятся нам обидевшие нас,
И никогда – обиженные нами.

У меня – всё наоборот. Там, во сне, я говорю им всё то, что теперь, наяву, говорить уже

некому и поздно. Ночью сердце словно мстит за то, что заковываешь его в тиски днём, сны мстят за всяческую дневную растрату. Расправа за растрату. Растрата.

Идут года, бегут недели,
Но ты теперь, как ни зови –
Потусторонен, запределен,
Недосягаем для любви.

И лишь во сне всё как по правде,
Лишь там нельзя тебя убить.
Там можно всё ещё поправить,
И досказать, и долюбить.

Там светом радуги играет
То, что уже покрыто мглой,
Горит и вечно не сгорает –
Что стало пеплом и золой.

...Снова приснился отец. Смутно помню кого-то ещё рядом – Тамара, Давид... Потом они куда-то отодвинулись, и – его фигура. Такая узнаваемая, родная. Его плечо и рука. Рукав пиджака, чуть блестящего от подпалин утюга и от времени, в который я уткнулась. Умом я понимала, что его нет, что он умер. И чувствовала ледяной холод его руки сквозь пиджак. Подумалось почти спокойно: ну да... Конечно... Он же мёртвый. Но это не пугало. И как-то не мешало ощущать его живым. Пусть мёртвый, но главное, я чувствовала, что он слышит, видит, понимает меня. Пусть это на какой-то миг, сейчас он уйдёт, растворится, но вот эта минута – она была моя... Наша. Я прижалась губами к рукаву и повторяла как заведённая, словно в бреду, что-то во мне повторяло: "Знал бы ты, как я тебя люблю... Знал бы ты, как я тебя люблю..." Как заклинание, как молитву. И вдруг его рука словно в ответ чуть-чуть дрогнула, слегка согнулась. Я мгновенно почувствовала, во мне сразу отозвалось: это ответ, это знак, что он слышит меня. Это было как слабое прощение. И это было – счастье.

Я проснулась от шёпота своих губ: "Знал бы ты, как я тебя люблю..." Я это произносила вслух. Давид спал, не слышал. Я зажмурила глаза, силясь вернуть сон, зная уже, что не верну. Но так хотелось сохранить, сберечь ту минуту.

Антропософия утверждала, что во время сна мы встречаем друг друга "по-настоящему", в то время как днём можем ещё замыкаться, утаивать наши мотивы, что-то симулировать в чувствах. Но ночью мы – открытая книга. "Сон – это жизнь, которую явь не стреножит", – как пишет П. Шаров.

У Цветаевой есть потрясающее стихотворение "Сон", которое я хочу привести полностью:

Врылась, забылась – и вот как с тысяче-
Футовой лестницы без перил,
С хищностью следователя и сыщика
Все мои тайны – сон перерыл.

Сопки – казалось бы, прочно замерли –
Не доверяйте смертям страстей!
Зорко – как следователь по камере
Сердца – расхаживает Морфей.

Вы! Собирательное убожество,
Не обрывающееся с крыш!
Знали бы, как, на перинах лёжачи,
Преображаешься и паришь!

Рухаешь! Как скорлупою треснувшей –
Жизнь с её грузом мужей и жён.
Зорко – как лётчик над вражьей местностью
Спящею – над душою сон.

Тело, что все свои двери заперло –
Тщетно! – уж ядра поют вдоль жил,
С точностью сбирра и оператора
Все мои раны – сон перерыл!

Вскрыта! Ни щёлки в райке, под куполом,
Где бы укрыться от вещей глаз
Собственных. Духовником подкупленным
Все мои тайны – сон перетряс!

Сон как созерцание с высоты духовной действительности, решение загадок жизни, перетрясение всех тайн человека – так его видела Цветаева. ...

То, что я сейчас пишу – не рассказ. Это послание. Я пишу это тебе, отец. Неведомо как, но мне верится, знается, что ты прочтёшь. Я пишу его в ответ. Помнишь? Это было через два года после твоей смерти, 1 мая. Я вышла на балкон ночью, словно кто-то позвал меня туда. Эта звезда выделялась из всех. Она мигала, пульсировала. Я сразу поняла, что это ты.

– Завтра твой день рождения. Я знаю, помню, приду, – говорила я тебе мысленно. Я была уверена, что ты слышишь.

В эту ночь я увидела тебя во сне. И такая нежность была, словно за всю жизнь, за все дни, что я её в себе не замечала, не пускала в себя. Проснулась – ничего не помню, только нежность. Тяжесть и нежность, как у Мандельштама. Не хотелось просыпаться. Боль потери – всё это будет потом. А тогда, в полусне – тяжёлая нежность. Я видела всю твою жизнь. Каким ты был маленьким мальчиком. Все твои обиды, победы, поражения, надежды. Всё, чего не знала, чего ты никогда не рассказывал, я видела внутренним зрением. И любила так нежно, пронзительно. Сколько упущено дней! Теперь я знала, как буду тебя любить, как буду заботиться, доставлять радость. Какое это было бы счастье.

На небе полночном горят письма.
Я в смутной тревоге гляжу из окна.
Пытаюсь прочесть это, как в полусне...
Я знаю, что это написано мне.

Пульсирует небо мне звёздной строкой.
В ответ – неуверенный взмах мой рукой.
И слезы глаза застилают, слепя:
Я знаю, я помню, я вижу тебя!